

пу составляют волшебные сказки. Интересен их сюжетный состав. Наряду с самобытными встречаются сюжеты, совпадающие с общемировыми и общекавказскими. Особенно много общего со сказками этнически родственных абазинам адыгов и абхазов. Конечно, каждое такое совпадение сюжетов нуждается в конкретном исследовании, так как оно могло возникнуть в результате этногенетического родства, заимствований или конвергентного развития культур разных этносов. Абазинский фольклор и сказки в частности обнаруживают явные следы заимствований из фольклора абхазов и адыгов, а также других народов Кавказа, в контакте с которыми абазины живут веками. Например, основа сюжета сказки «Айдамир и его приемный сын» восходит к адыгскому историко-героическому сказанию об Айдамыркане (кстати, фольклорное прозаическое произведение об этом герое известно и абхазам). Абазинские сказки проявляют сходство со сказками других народов не только в сюжетном отношении, но в композиционном построении, в тоекратности действия и т. д. Однако такое сходство ни в коем случае не означает полной тождественности сказок разных народов. Напротив, у каждого народа сказка имеет и целый ряд специфических особенностей. Так, например, сюжеты героического сватовства, борьбы героя со злыми мифическими существами и социальными силами в абазинских сказках представлены в этноспецифическом восприятии и оформлении.

Абазинские сказки отличаются гуманизмом и демократичностью. В них в постоянном единоборстве добра и зла, света и тьмы, правды и кривды неизменно торжествует и одерживает победу добро, свет, правда. Главным героем абазинской волшебной сказки всегда является социально обездоленный — выразитель народных идеалов определенной эпохи, определенной социальной среды, как правило, крестьянской. В схватках с грозными мифическими существами и злыми социальными силами помощниками такого героя выступают различные животные. Так, конь обладает необычайной силой, даром провидения и перевоплощения — он верный друг героя. Постоянными социальными антиподами главного героя выступают представители феодальной знати.

Абазинские сказки характеризуются глубокой архаичностью. Например, борьба сказочного героя с великанами (*айныжи*), с *алмасты* (громадные вредоносные мифические существа женского пола) и др. олицетворяет борьбу древнего человека с грозными явлениями природы. В сказках различимы следы древнейших верований: анимизма, тотемизма, культа предков, домашнего очага, мертвых и др.

В волшебных сказках многочисленны примеры контаминации сюжетов. Часто в одной сказке древние сюжеты переплетены с сюжетами социально-бытовыми сравнительно позднего происхождения. Такую контаминацию древнего сюжета волшебной сказки с сюжетом историко-героического сказания о набегах находим в тексте «Карабатыр и Какана», а также в сказках «Джиба-Джу и сын старика и старухи», «Сын наседки» и др.

Социально-бытовые сказки отличаются от волшебных рядом особенностей. В них, как правило, отсутствуют мифические существа, зато во множестве представлены социально противоборствующие силы. Наиболее излюбленными являются темы чужеземных набегов, сатирического изображения феодальной знати и духовенства. Значительное место занимают и семейно-бытовые темы.

Несколько слов о качестве перевода. Конечно, при переводах сказок неизбежны потери каких-то особенностей. Однако В. Тугов старался максимально приблизить свой перевод к оригиналу, сохранить не только сюжетную и композиционную структуру, но и их стилистические особенности. Максимально точный перевод ряда устойчивых, повторяемых и характерных выражений и фразеологизмов способствует сохранению своеобразия абазинской сказки на русском языке. В. Тугову удалось сохранить и в переводе эти особенности, в необходимых случаях он дал их объяснения в примечаниях.

Сборник «Абазинские народные сказки» — еще одно свидетельство тому, что народное поэтическое творчество неисчерпаемо, оно вызывает глубокий интерес у каждого нового поколения.

С. Л. Зухба

«Рода нашего напевы». Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов/Составители Киуру Э. С., Лавонен Н. А. Петрозаводск. 1985. 272 с.

В ознаменование 150-летия «Калевалы» у нас и за рубежом вышел в свет целый ряд работ, посвященных карело-финскому эпосу. Впервые в таком большом объеме вышли в русском переводе избранные песни из сборника «Кантелетар» и «Путешествия Элиаса Лённрота» — путевые очерки, дневниковые записи и письма Лённрота, освещающие историю собирания фольклорного материала и создания «Калевалы» и «Кантелетар». Среди подобных изданий важное место занимает работа, подготовленная сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, «Рода нашего напевы». Впервые в истории карельской и финской фольклористики предпринята публикация наследия одного рунопевческого рода. До сих пор отдельно издавались только руны Архиппы Перттунена (в 1948 г. в Петрозаводске на русском

языке в переводах В. Я. Евсеева и в 1965 г. в Хельсинки на карельском языке). Нет надобности доказывать, сколь важны такие публикации. Другие рунопевческие роды, школы, местные традиции тоже ждут своей очереди. Изучение творческой манеры многих выдающихся певцов по существу еще не начато.

Данная публикация охватывает записи, сделанные в течение более ста лет: первые записи Лённрота — от Архиппы в 1834 г., последние — от праправнучки сестры Архиппы Моарие — М. М. Ключаревой (Коноваловой) в 1967 г. В книгу вошли не только эпические песни, но и произведения других жанров, общим формальным признаком которых является так называемый калевальский стих. Можно, конечно, задать вопрос: не целесообразнее ли было бы дать по возможности все эпические песни, записанные от представителей рода Перттуненов, исключив другие жанры? Стремление охватить все жанры калевальской метрики вызвано, очевидно, не только желанием как можно шире представить репертуар певцов, но и традицией, идущей от «Калевалы», в которой Лённрот наряду с эпическими песнями использовал лирические песни, баллады и заговоры.

С научной точки зрения желательно было бы опубликовать все записи одних и тех же сюжетов не только от отдельных лиц, но и повторные записи от одного и того же исполнителя. Из списка текстов, не включенных в сборник, помещенного в приложении, мы узнаем, например, что руну о сампо от Архиппы Перттунена записали кроме Лённрота еще Каая (в 1836 г.) и Кастрен (в 1839 г.), тот же сюжет от сына Архиппы Мийхкали Перттунена собиратель Борениус записал дважды, в 1871 и 1877 гг. М. М. Ключарева представлена одной руну «Кантеле», не лучшей в ее репертуаре. Может быть, целесообразнее было бы дать эпическую песню «Пир в Пяйвеле», которая имела еще в репертуаре ее прапрабабки (она тоже здесь не опубликована). Она могла бы пролить свет на заметные разночтения в этом сюжете у Архиппы и его сына Мийхкали (см. № 11 и 39).

Понятно, что при отборе текстов составители были ограничены заданными рамками объема книги. Но экономия бумаги нередко приводит к снижению научной обстоятельности, особенно когда мы имеем дело с публикацией материалов. Такие издания, как рецензируемая книга, предпринимаются нечасто, и исследователи будут очень долго ею пользоваться.

С одной стороны, составители и издательство поставили перед собой благородную цель — ознакомить широкие круги читателей с наследием самого знаменитого рунопевческого рода, с другой — стремились к тому (это уже заслуга составителей), чтобы книга отвечала одновременно и требованиям научного издания. Во вступительном слове составители пишут: «В сборник включены все сюжеты рун в записи от рунопевцев Перттуненов. При отборе вариантов учитывались их полнота, художественные достоинства, традиционность мотивов» (с. 5). Все эти критерии отвечают требованиям популярного сборника, но далеко не всегда правомерны для научной публикации, ибо иногда небольшой отрывок или фрагмент текста может иметь для исследователя бесценное значение. Думается, этой двойкой задач, поставленной перед изданием, объясняются его некоторые противоречия и недостатки при рассмотрении сборника как научной публикации. Но в конечном счете они не умаляют его ценности.

Наиболее полно в книге представлен репертуар Архиппы и Мийхкали Перттуненов: из 85 текстов сборника 68 принадлежат им. Книга продолжает установившуюся в последние десятилетия добрую традицию давать рядом с оригиналом перевод на русский язык, благодаря чему ее сможет прочесть во много раз большее число людей. Серьезная работа проделана Н. А. Лавонен по составлению научного аппарата, в котором обстоятельно прокомментированы песенные сюжеты, имеется список исполнителей с краткими сведениями об их родословной, список литературы и, как мы уже говорили, список текстов, не включенных в сборник, и другие необходимые сведения. Но в таком сложном «хозяйстве», каким является обстоятельный научный аппарат, трудно полностью избежать ошибок. Так, например, в списке исполнителей значится Петри Перттунен, сын Мийхкали, но его тексты не представлены в сборнике. В статье «Рунопевцы Перттунены» говорится о И. Д. Коновалове как об известном в 30-е годы исполнителе рун, но в указателе представителей рода Перттуненов, тексты которых не вошли в сборник, он не попал. Нет в этом указателе также имени еще и ныне живущей Александры Яковлевны Перттунен — правнучки Мийхкали, хотя некоторые тексты, записанные от нее, опубликованы. Кстати сказать, хотя о ее принадлежности к роду Перттуненов известно давно, ни один фольклорист почему-то не записывал ее руны. Казалось бы, во время подготовки данного издания можно было съездить в Вокнаволок и записать весь ее репертуар.

От издания, в котором использованы старые записи, можно было ожидать критики текстологического характера, тем более, что вопросы фольклорной текстологии давно и правомерно поставлены в советской фольклористике¹. Тексты, записанные в XIX в., взятые из 33-томного издания «Suomen kansan vanhat runot» («Древние руны финского народа»), первые четыре тома которого, охватывающие руны Северной Карелии, вышли в свет в 1908—1921 гг. В предисловии к первому тому отмечалось: «Поскольку издание прежде всего является научным первоисточником, рукописи печатаются по возможности точно. В них ничего не добавлено и ничего не изъято, они опубли-

¹ См., например, Чистов К. В. Современные проблемы текстологии русского фольклора. Доклад на заседании эдиционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов. М., 1963.

ликованы со всеми ошибками и недостатками». В связи с этим возникает много вопросов при чтении записей, сделанных от Архиппы Перттунена первыми собирателями, в их числе Лёниротом. Сыну Архиппы, Мийкаали, в отношении точности текстов повезло, так как от него в 1870-е годы записывал А. А. Борениус, известный исключительной добросовестностью и лингвистическим чутьем. Его записи, передающие тонкие особенности диалектов, столь же надежны и достоверны, как записи лингвистов А. Генетца и К. Карьялайнена или же собирателей-карел (например, И. Марттинена). Однако ошибки, среди них и явные описки, первых собирателей теперь как бы канонизированы: они повторяются и в антологии Finnish folk poetry. Epic (Helsinki, 1977). Но вот парадокс: многие финские морфемы и фонемы, встречающиеся в полевых записях Лёнирота, впоследствии в «Калевале» были заменены им карельскими. Это можно объяснить или тем, что к 1834 г. Лёнирот еще недостаточно усвоил северно-карельский диалект, знание закономерностей которого с блеском обнаружил во втором издании «Калевалы», или же он не придавал особого значения точности полевых записей. Впрочем тщательное текстологическое исследование могло бы открыть много интересного не только в плане выявления ошибок. Многие фонетические и морфологические неточности в записях могут быть просто описками. Возьмем самый простой пример — дифтонги в северно-карельском диалекте. В определенных позициях в финском литературном языке вместо дифтонга выступает долгая гласная. Например, карел. *moa* (muu), фин. *maa* (земля); карел. *rea* (riä), фин. *raa* — (голова). В окончании глаголов III лица ед. числа в данном карельском диалекте выступает дифтонг, а в финском — долгая гласная: карел. *tuloa*, фин. *tulsee* (приходит). При беглом просмотре в записях Лёнирота больше всего, пожалуй, обнаруживаются ошибок, связанных с заменой дифтонга долгой гласной. Это понятно: долгие, обозначающиеся двумя одинаковыми буквами, при скорописи легче написать, да и рука машинально выводит привычное. Самым веским аргументом в данном случае являются записи Борениуса, точность которых в передаче особенностей карельского языка вызывает восхищение. Это тот же язык, на котором пела и говорила Т. А. Перттунен (1880—1963 гг.), на котором еще и поныне говорит и поет калевальские песни Александра Яковлевна Перттунен, — образный, певучий, поэтический язык рунопевческой деревни Латваярви, говор которой заметно отличается от говора Вокнаволока (расстояние между ними около 30 км). Деревни Латваярви не существует с 1961 г., но старшее поколение ее бывших жителей остается верным своему родному говору, хотя и живет в иной языковой среде.

Следует обратить внимание и на то, что вследствие замены карельских морфем финскими нередко нарушается размер стиха, так как сокращается число слогов. Те ритмические сбои, о которых составители говорят во вступлении, могли в отдельных случаях возникнуть в результате неправильной записи. Кое-какие исправления, исходя из закономерностей северно-карельского диалекта, в текстах рун Архиппы Перттунена сделал Ивар Кемпинен², но он не только не мотивирует свои поправки, но даже не упоминает о принципах своей текстологической работы.

Само собой разумеется, речь не идет об огульной замене всех грамматических форм финского языка карельскими. Язык народной поэзии отличается от разговорной речи, и поэтому каждый конкретный случай надо рассматривать отдельно. Серьезная текстологическая работа — дело будущего, она должна опираться на фундаментальные исследования в области поэтического языка и его отношения к диалектам. Думается, на эти стороны при публикации текстов должен был обратить внимание редактор карельских текстов П. М. Зайков и привести хотя бы несколько примеров явных ошибок в ранних записях, потому что обходить молчанием эту проблему уже нельзя. В книге встречаются и другие досадные ошибки. Например, в Списке малопонятных слов Понтий Пилат назван не римским прокуратором, а библейским царем Иудеи. Имя Руотус, встречающееся в рунах 11, 19 и 21, не объяснено, хотя известно его происхождение от библейского имени Ирод (Herodes). Происхождение имени Ютас (в Списке малопонятных слов оно комментируется как злой дух) тоже не объясняется, хотя содержание руны 20 в которой оно встречается, явно указывает на Иуду (Juudas). Не следовало повторять неправильное написание некоторых фамилий из указателя А. Р. Ниemi «Рунопевцы и знахари Архангельской губернии» (1921 г.), в котором вместо собственного данному диалекту окончания *-ни* иногда встречается окончание *-не*, характерное для более южных говоров. В соответствующих указателях рецензируемого сборника встречается двоякое написание фамилии рода: Перттуне и Перттунен, в то время как правильное было бы Перттунни. Окончание *-нен* — финское, оно уже утвердилось и в русской передаче фамилий рунопевцев. Встречаются опечатки в карельских текстах.

Перед переводчиками Э. С. Кнуру и А. И. Мишиным стояла трудная задача: добиться построчно адекватного оригиналу смысла в ритмизованном переводе. Учитывая всю сложность поэтического перевода фольклорных произведений, тем более что русский и карельский языки коренным образом различаются по своим основным свойствам и поэтическим средствам, можно сказать, что переводчики успешно справились со своей задачей. В целом переводы отвечают требованиям, предъявляемым им в научных публикациях (в данном случае мы не касаемся их художественных достоинств). Текстологические неточности, встречающиеся в оригиналах, почти не относятся к лексике, поэтому они на переводах не отразились. Но прозаические вставки исполнителей следовало все же передать прозой, принимая во внимание научный характер издания.

² Arhippa Perttunen runot. Toim. Iivar Kempinen. Helsinki, 1965.

В заключение хочется сказать, что сборник «Рода нашего напевы» является долгожданным изданием (где же, как не в Карелии, публиковать наследие карельских рунопевцев!) — изданием, знакомящим широкий круг читателей с калевальскими песнями в том виде, в каком они были записаны от певцов. Читая и сравнивая песни представителей одного рунопевческого рода, не только исследователь, но и любознательный, интересующийся истоками нашей культуры человек может сделать для себя целый ряд открытий и еще раз убедиться в поэтической одаренности народа. В этом прежде всего и заключается ценность книги.

У. С. Конька

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

О. А. Ганцкая. Польская семья. Опыт этнографического изучения. М., 1986, 176 с.

Исследования семьи, которым в этнографии уделяется все большее внимание, появились первой в советской науке работой, посвященной актуальным проблемам современной польской семьи. Для ее подготовки автор использовал изданную в Польше обширную этнографическую, социологическую, историческую, демографическую и иную литературу, архивы и польские статистические материалы, а также сведения, полученные им непосредственно от населения, и личные наблюдения во время поездок по стране. Привлечены данные по другим народам и теоретические исследования.

Автор рассматривает польскую семью как микросферу этнических процессов, передачи национальных традиций, нивелировки культуры и ее одновременного обогащения новыми элементами. В книге уделяется большое внимание региональным особенностям польской семьи, которые связаны с ее историческим прошлым, с миграциями после второй мировой войны. Подчеркиваются на протяжении всей книги различия между сельской и городской семьями, отмечается их социальная дифференциация.

В первом разделе книги рассматривается заключение браков с этносоциальной и демографической точек зрения. Если прежде при подборе брачных партнеров большое значение придавалось местным связям (особенно в деревне) и решающим становилось влияние родителей, то ныне слабеет и то, и другое, чему весьма способствует переселение молодежи в города, маятниковые миграции ее на близлежащие предприятия и т. п. Урбанизация оказывает большое влияние на нравы молодежи, на создание стереотипа поведения в семье, в кругу сверстников, в присутствии посторонних. В городах Польши, как и во многих других странах, юноши и девушки ходят в обнимку по улицам, не стесняясь проявлять взаимную симпатию, привязанность на людях. Добрачные связи весьма распространены, причем общественное мнение относится к этому снисходительно. Автор резонно замечает, что это свидетельствует об ослаблении влияния церкви на семью.

Хотя браки заключаются преимущественно по любви, во всяком случае, по свободному выбору молодых людей, однако это не означает, что в их ценностных ориентациях на создание семьи совсем нет места соображениям материального порядка и престижа. Очень ценится образование (что вполне соответствует требованиям современного общества), а в деревне, где сохраняется частная собственность на землю, — наследование хозяйства.

«В стране преобладают социально однородные браки» отмечается в книге (с. 31). Много профессионально однородных пар, естественно образующихся при совместной работе или в учебных заведениях, по родству интересов.

Следующий раздел посвящен семье. Он начинается с определения семьи как социальной системы, с типологического анализа структуры семьи вообще и конкретно — польской. В Польше преобладают, разумеется, нуклеарные семьи, но распространены, как отмечены в книге, некоторые иные ее типы. Структура семьи зависит, конечно, от ее экономического уклада, и разный традиционный порядок наследования земли в различных регионах Польши обусловил несходство в структуре сельской семьи тех или иных краев. Урбанизация, частое совмещение сельского труда с индустриальным сыграли и здесь значительную роль.

При рассмотрении структуры городской семьи автор отмечает социальные различия среди городских жителей и указывает, что польские социологи больше всего изучали рабочие семьи. Социологическое исследование позволило О. А. Ганцкой проследить особенности, характерные для семей моряков и рыбаков (а это — частые в Польше профессии), где мужа регулярно бывают в длительной отлучке, а дом возглавляет в это время жена (с. 53).

Далее анализируются функции польской семьи. Что касается прокреативной функции, то, как и в других странах, городские семьи имеют меньше детей, чем сельские, а чем выше уровень образования родителей, тем меньше детей в семье. Автор отмечает «усилившееся противоречие между ролями женщины как матери, хозяйки дома и как члена общества, занятого профессиональным трудом» (с. 57), которое весьма способствует ограничению рождаемости. Несколько повысил ее действующий с недавних пор в Польше закон, по которому мать получает после рождения ребенка трехгодичный отпуск с сохранением места работы и выплатой небольшого пособия (с. 57).